

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

«ЧЕРЕП И КОСТИ», ИЛИ ВАРВАРЫ, ГЕРОИ И ПРОСВЕЩЕННЫЕ РЫЦАРИ КОЛОНИЗАЦИИ⁶

Якушенко Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: shuilong@mail.ru

Статья посвящена кросскультурному анализу колониальных моделей поведения. На примере функционирования элитарного тайного общества «Череп и кости», возникшего в первой половине XIX в. в Йельском университете, раскрывается отношение колонизаторов к посмертным останкам представителям народов, с которыми велись колонизаторские войны. На примере судьбы Джеронимо и отношения к его останкам показаны колониальные парадигмы «присваивания». Схожей моделью поведения представляется отношение наместника Кавказа кн. Воронцова к останкам аварского наиба Хаджи-Мурата.

Ключевые слова: Йельский университет, орден «Череп и кости», Джеронимо, череп, Кавказская война, Хаджи-Мурат

“THE SKULL & BONES” OR BARBARIANS, HEROES AND EDUCATED KNIGHTS OF COLONIZATION

Yakushenkov Sergey N., D.Sc. (History), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: shuilong@mail.ru

The article is devoted to the crosscultural analyses of colonial models. On the example of functioning of an elite secret society «Skull and bones» that was organized in the first half of the XIX century in Yale University, the author reveals the attitude of the colonizers to the posthumous remains of the representatives of the native peoples with whom colonizers were in a war. The fate of Geronimo and the attitude to his remains is shown through a colonial paradigm of «assignment». The similar pattern of behavior appears to be the attitude of the Viceroy of Caucasus prince M. Vorontsov to the remains of the Avar naib Hadji-Murad.

Keywords: Yale University, the “Skull and bones” society, Geronimo, skull, the Caucasus war, Khadji-Murat

«Череп и кости» американской просвещенной элиты
*Спросил я голову кровавую:
– Ты чья была, скажи на милость?
И как, увенчанная славою,
В чужих руках ты очутилась?*
(Расул Гамзатов)

В 1832 г. в одном из крупнейших университетов маленьком городке Нью Хейвен на востоке США было основано тайное студенческое общество, которому впоследствии предстояло сыграть важнейшую роль в истории США. Это было не первое студенческое общество или точнее «студенческое братство». Первая студенческая

⁶ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ госзадание № 2014/414 по теме. «Человек фронта: вызовы и риски межкультурных коммуникаций в условиях приграничных территорий» Код проекта 392 2014–2016.

тайная организация или братство было создано в США еще в 1750 г. в колледже Вильгельма и Марии в Вирджинии. Эта организация образовывалась с весьма гуманными целями служения обществу, поддержки друг другу и пропаганды знания. Недаром девизом этого братства стала латинская фраза: «Fraternitas, Humanitas, et Cognitio» – «Свобода, Гуманность и Знание». Именно по этим первым буквам FHC данное братство и получило свое название. Позднее FHC братства стали возникать и в других колледжах и университетах США. А начальные буквы были переосмыслены и превратились в оригинальный бэкроним – Flat Hat Club – дословно «клуб плоских шляп». Естественно, что под этим названием скрывалось всего лишь описание типичной студенческой академической шапочки, называемой в простонародье мастерок (кельма) – досл. «*mortarboard*». Сложно сказать, имели ли некоторое отношение эти тайные общества к обществу «вольных каменщиков», но некоторые аналогии в их деятельности прослеживаются. Члены клуба разработали особые ритуалы, у них были отличные у других рукопожатия, узнавали они себя по особым серебряным медальонам. Членам клуба выдавался особый сертификат о членстве, а их имя вносилось в анналы клуба. Со временем подобные клубы возникли практически во всех университетах США. Помимо клубов с латинской аббревиатурой FHC были организованы «клубы греческих букв» (общество Фи Бета Каппа).

Возможно, эти братства стали своеобразным инструментом студенческой борьбы со схоластикой и скукой университетского образования с его зубрежкой, ежедневными молитвами и интенсивной учебой. Это было способом выживания в костной среде, обеспечения корпоративного духа и свободомыслия. Кроме этого, это общество и ему подобные приносили в рутину университетского быта атмосферу романтики, загадочности и в некой степени революционности. Оторванные от семейной жизни, молодые люди вновь обретали семью, скрепленную тесными узами клятвы, взаимопомощи и поддержки [18, pp. 14]. Не следует также забывать, что наиболее ранние тайные студенческие организации возникали в условиях революционной ситуации накануне Войны североамериканских колоний за независимость, что сказалось на определенном демократичном настрое внутри этих обществ.

Таким образом, когда студенты Йельского университета в 1832 г. вдруг решили создать еще одно общество, в этом не было ничего уникального. Им просто надоела борьба за лидерство в уже существующих клубах – Линонии (1753), Братьях в Союзе (1768), обществе Каллиопы (1819) и др. Это были так называемые дискуссионные клубы с некоторой литературной и ораторской направленностью. Но новое братство изначально пошло по своему пути, выйдя за рамки лишь традиционных дискуссионных клубов. Его эмблемой стали череп и кости, поэтому в дальнейшем оно и получило название общества (орден) «Череп и костей». В некотором роде это была отсылка к флибустьерскому флагу, но не только. Предыдущие общества в своей идеологии, как правило, придерживались идеи братства, равенства, коллективного поиска знания и т.д. В основе их символики были латинские или греческие аббревиатуры, отражавшие гуманистические лозунги. Теперь же ситуация коренным образом изменилась. Череп и кости символически сдвигали атмосферу общества в совершенно другом направлении. Хотя неофициально общество восходило к традиции дискуссионных клубов, так как неформально связывало себя с Демосфеном, соотнося хронологию своего существования с так называемой «эрой Демосфена», которую они как бы отсчитывали с момента его смерти. Это якобы было зафиксировано и в числе 322 (год смерти Демосфена), вошедшем в символику Ордена. Однако, существовали и другие трактовки символики этого числа, интерпретировавшие его с точки зрения традиции тайных немецких организаций [3, pp. 27–28]. По мнению американского журналиста Рона Розенбаума, данный орден напрямую был связан с Баварскими иллюминатами и являлся всего лишь филиалом какой-то тайной немецкой студенческой организации [14].

Некий намек на inferнальность в специфике этого общества скрывался и в неофициальном названии здания – Гробница (Тomb), где проходили заседания Ордена

Череп и костей. Да и внешне это здание, выполненное в новоегипетском стиле, больше походило на какой-то склеп или мавзолей, чем на здание студенческого клуба.

Новых членов во время ритуалов они называют «рыцарями», а всех остальных «варварами» и «язычниками» (gentiles). Первоначально членом этой организации мог стать только белый мужчина протестантского вероисповедания, однако в XX в. орден пошел на уступки, начав включать в свои ряды евреев, афроамериканцев и, наконец, женщин (1991–1992).

Несмотря на свою некоторую оккультную атмосферу этой организации и не совсем высокоморальную репутацию некоторых ритуалов она стала одной из самых влиятельных в США, так как членами ее были многие могущественные политики, финансисты, успешные бизнесмены и т.д. Членами клуба являются бывший президент США Джордж Буш, государственный секретарь Джон Керри, создатель и руководитель контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон, Уильям Говард Тафт (сын одного из основателей ордена Алонсо Тафта), президент (1909–1913) и верховный судья США, известный издатель, создатель таких журналов как «Тайм», «Форчюн», «Лайф» Генри Люс и многие многие другие. По мнению американского исследователя Энтона Саттона орден «контролирует» образование, финансы и политику не только США, но и всего мира.

Чрезвычайная секретность вокруг этого ордена привела к тому, что с его существованием связывают множество слухов, ряд которых имеет под собой множество реальных оснований, и не могут восприниматься просто как слухи.

Колониальное «лицо» Череп и костей

Одна из темных историй, которую приписывают деятельности членов клуба, произошла в начале XX в. эта история как нельзя лучше характеризует как наиболее ранний характер деятельности, этой тайной организации, так и колониалистские умонастроения ее членов. История произошла в 1918 г., когда 6 волонтеров (все члены ордена Череп и костей), служивших в форте Силл в шт. Оклахома, вскрыли могилу индейского вождя из племени апачей Джеронимо (Херонимо) и похитили его череп и несколько костей. Среди грабителей могил были Чарлз С. Хаффнер Мл. и Прескотт Буш (дед будущего президента Джорджа Буша).

Индийский вождь Джеронимо (1829–1909) был примечательной фигурой в американской истории. Ему судьбой было уготовано жить в период, когда США все дальше продвигалось на юг континента, вытесняя с этих территорий индейцев и мексиканцев. Апачи не были мирным племенем, а разбойничьи рейды небольших отрядов апачей по соседним племенам считались доблестью, но подобная модель поведения была характерна, впрочем, и для большинства соседей апачей. Нередко апачи совершали набеги на мексиканские приграничные поселения, хотя порой сложно проследить, кто начинал грабеж первым. Есть масса свидетельств, что это была не индейская сторона. В 1810 г. в Мексике началась Война за независимость, которая продолжалась до 1821 г., что вызвало к жизни серьезные изменения в политическом и культурном укладе страны. Мексиканские территории, граничащие с землями апачей в меньшей степени были подвержены революционным изменениям, однако, всеобщий хаос породил на границах многочисленные банды мародёров и разбойников, которые охотно грабили и мексиканские, и индейские поселения. Кроме простого грабежа мексиканцы часто устраивали самые настоящие рейды за индейцами, которых обращали в рабство. В этом всеобщем фронтальном хаосе взаимных претензий и коллективной атмосферы (по обеим сторонам границы) благородного разбоя действия апачей не были уж столь экстраординарными.

Начавшаяся американо-мексиканская война, завершившаяся аннексией американцами части мексиканской территории, также не способствовала миру на землях, принадлежащих апачам. Правда, апачи заключили соглашение с правительством США о мире, но вряд ли в тех условиях можно было рассчитывать на мирный харак-

тер продвижения американской армии по территории, населенной воинственными индейцами.

В конечном итоге в результате засилья военных и притока новых поселенцев ситуация постепенно вышла из-под контроля. Начавшаяся гражданская война еще больше усилила противостояние индейцев и белых, так как армия конфедератов нередко устраивала военные рейды против индейцев, не церемонясь с методами. Но и Северяне были не столь уж щепетильны, когда речь заходила об индейцах. Максима «хороший индеец – мертвый индеец» была в ходу у многих американских военных, даже тех, кто не так уж плохо относился к ним. О характере отношений между военными и индейцами можно судить по инциденту, происшедшему в 1861 г. в форте Уингейт (Нью-Мехико). Этот форт был построен на землях соседей апачей и родственников им индейцев навахо. Первоначально отношения между навахо и военными развивались очень мирно и не сулили каких-либо конфликтов. Индейские вожди и полковник Кэнби подписали мирный договор, который старались соблюсти обе стороны. Индейцы регулярно приходили в форт, и отношения между ними и американскими военными были весьма дружественными. Навахо и военные даже часто устраивали совместные скачки лошадей, делая ставки на победителей. Эти соревнования проходили во всеобщей атмосфере воодушевления, так как позволяли солдатам как-то разнообразить скучную жизнь и даже выиграть какие-то призы. Все предыдущие скачки происходили нормально и не предвещали каких-либо неприятностей. Со стороны американцев в скачках участвовала великолепная верховая лошадь, принадлежавшая хирургу форта Финису Кавану. Индейцы выставили пони, которым по слухам владел известный вождь Мануэлит. Старт был дан, лошади понеслись, но вдруг лошадь индейцев повела себя как-то странно, сбросила седока и ускакала. Победителем была признана лошадь американцев, которые забрали призы и устроили праздник по случаю победы. Однако, когда индейцы поймали свою лошадь, то выяснилось, что кто-то подрезал поводья лошади. Они обратились с петицией к офицерам форта, прося пересмотреть пари и устроить повторный забег, но те отказались и выгнали недовольных из форта. Последующие события развивались с молниеносной быстротой. Когда один из подвыпивших индейцев подошел к воротам форта и начал стучать в них, часовой выстрелил и убил его. Звук выстрела прозвучал своеобразной командой остальным солдатам, которые похватили оружие и начали убивать всех индейцев, находящихся в форте: мужчин, женщин и детей. Один из очевидцев этой резни, капитан Николас Ходт рассказывал позднее специальной комиссии, созданной Конгрессом США: «Я увидел солдата, убивающего двух маленьких детей и женщину. Я крикнул ему, чтобы он этого не делал. Он посмотрел на меня, но не повиновался. Я побежал к нему так быстро, как я мог, но не смог поспеть вовремя, он уже убил двух маленьких невинных детей и тяжело ранил женщину» [15, pp. 338]. Капитан разоружил солдата и арестовал его, но когда он доложил об инциденте лейтенанту Рафаэлю Ортису, тому самому, который и привел к победе американскую лошадь, то тот достал револьвер и пообещал пристрелить Ходта, если тот не отпустит солдата, который, по словам Ортиса, все сделал правильно.

Тем временем полковник Мануэль Чавес, дежурный офицер, прекратил начавшийся хаос и вернул командование фортом в свои руки, приказав притащить гаубицы и начать обстреливать индейцев, находящихся по ту сторону форта. Сержант сделал вид, что не понял приказа, но тот повторил свой приказ с таким видом, что сержант уже не осмелился неповиноваться приказу офицера. В результате многие индейцы были безжалостно убиты, главным образом дети, старики, женщины.

Следует признать, что американское правительство плохо контролировало, происходящее на отдаленном фронтире. В армию США в этих регионах набирали нередко всяких местных проходимцев и преступников. Очень часто инициатором напряженности была и местная милиция, состоящая из гражданских лиц, которая вместо поддержки порядка сама становилась рассадником беззакония, устраивая рейды на

территорию индейцев за их скотом и пленными, которых продавали в Мексике в рабство. Уже упомянутый полковник Чавес сам в юности участвовал в охоте на индейцев и даже был смертельно ранен в одной из таких охот, но чудом остался жив.

Конечно, не следует недооценивать в конфликтах и роли самих индейцев, которые не гнушались ответными рейдами против мексиканцев и американцев, и все же, действия апачей во многом были спровоцированы испанцами и мексиканцами. Типичным примером непримиримой борьбы апачей с захватчиками и может служить судьба уже упомянутого Джеронимо, принесшего немало забот американским властям.

Семья Джеронимо, его мать, жена и трое детей, были убиты мексиканцами во время одного их рейдов по захвату индейского скота и пленных в 1858 г. [4, pp. 43–44]. Трагизм этой ситуации заключался в том, что индейцы находились в этот период в мире с мексиканцами и прибыли в Мексику для торговли. Они были вынуждены оставлять все оружие в лагере, и безоружные приходили торговать в один из мексиканских городов. Вернувшись в лагерь, они обнаружили, что мексиканцы из другого города перебили стражу, напали на лагерь, ограбили его, часть индейцев убили, а часть захватили в плен. Вероятно, после этого Джеронимо становится непримиримым противником не только мексиканцев, но и американцев. Последующие события только усугубляли конфликты апачей с американцами, которые постепенно все больше теснили индейцев в непригодные для жизни места.

Американские военные применяли тактику «выжженной земли», уничтожая скот, посеы индейцев, вырубая плодовые деревья. «С индейцами не должно быть никаких советов, ни переговоров. Мужчин следует уничтожать независимо от того, где и когда они будут найдены. Женщин и детей можно брать в плен, но, конечно, их не следует убивать» [Цит. по: 6, pp. 21], – вот позиция одного из «умиротворителей» индейцев – бригадного генерала Кита Карсона. Был ли Карсон жестоким человеком, страстно ненавидящим индейцев? Скорее всего, нет. Мог ли он их ненавидеть, если все его три жены были индеанками. От последней жены у него было восемь детей. Вся его юность прошла среди индейцев и метисов. А время своей работы траппером среди индейцев он считал самым счастливым. Это был суровый фронтирмэн, героическая личность, прославившаяся своими многими делами, индейцы его уважали как воина, и если что-то не могли простить ему, то не жестокость в бою, а уничтожение индейского имущества, посеов и садов. Кит Карсон в ряде случаев удивительно напоминает российских генералов периода Кавказской войны, подобных генералу Ермолову, покорителю Кавказа. Хотя конечно не следует забывать, что в настоящее время мы в большей степени имеем дело с мифологизированным героем, подобных литературному Натаниэлю Бампо (Следопыт, Зверобой, Соколиный глаз) из произведений Фенимора Купера. Американский историк Ричард Слоткин называл таких героев – «человек, который знает индейцев». По его мнению, такие люди – «наиболее эффективный инструмент цивилизации против дикости – человек, который знает, как мыслить и сражаться, как индеец, чтобы повернуть их методы против них самих» [16, pp. 16].

В ряде случаев методы американской колониальной политики, даже при наличие таких героических личностей мало чем отличались от методов мексиканских головорезов. Убийство пленных мексиканцев или индейцев было типичной моделью поведения многих военных. Джеронимо был свидетелем предательских убийств индейских вождей – Нарбона, Мангас Колорадас, Викторио и многих других. Поэтому ему не было нужды доверять американцам. И он вступил на тропу войны. Учитывая тот факт, что он ненавидел мексиканцев больше, чем американцев, основные его рейды приходились по территории Мексики. Везде он сеял смерть и разрушение.

За скухими сводками потерь среди мирного населения, как со стороны американцев, так и индейцев, мы видим нескончаемую боль очень многих семей. Обе стороны никого не щадили: ни детей, ни женщин, ни стариков

Несмотря на тот факт, что, как правило, отряды Джеронимо были малочисленные, ему удавалось наносить сокрушительно поражение более многочисленному

противнику и уходить от преследователей невредимыми. Постепенно он становился «человеком-легендой». Его именем пугали детей, да и взрослые многие напрягались при упоминании этого имени. Против нескольких десятков индейцев Джеронимо, включая женщин с маленькими детьми, была брошена огромная армия генерала Крука, которой помогали индейские проводники и следопыты. Но угнаться за людьми Джеронимо они не могли. Армейская тактика предписывала, что 25 миль в день – это максимум, на что способна кавалерия, учитывая сложности местности, в которой приходилось воевать и тот факт, что кавалерийские лошади помимо всадника вынуждены были еще тащить с собой провиант и амуницию [5, pp. 467]. Но как рассказывал сам Джеронимо, во время некоторых рейдов, его воины пешими совершали переходы по 40–45 миль в день. Обычно воины шли около 14 часов в день, останавливаясь три раза на короткое время для еды. У каждого воина был запас еды на три дня, но они регулярно пополняли запас охотой, так что апачи никогда не нуждались в еде [4, pp. 50]. В истории войны с апачами известен и более невероятный факт, когда они проскакали без остановки на отдых и еду более 120 миль [10, pp. 58]. Есть и более удивительный подвиг: отряд Джеронимо, несмотря на то, что в его группе было много женщин и детей, двигался безостановочно 24 дня и проскакал более 500 миль, преследуемый неотступно кавалерийским полком лейтенанта Дейвиса. Четыре раза индейцы меняли направление движения и, наконец, смогли оторваться от преследователей [13, pp. 238].

Тот факт, что Джеронимо и его люди убежали из резервации, куда их поместили американцы согласно договору, делало его отступником (рenegатом) в глазах не только американцев, но и многих индейцев, оставшихся жить в резервации. За Джеронимо гонялась огромная американская армия, которой помогали индейские проводники, мексиканские военные и гражданские лица, но он все уходил от погони невредимым. Генералы сменяли генералов, те вырабатывали все новые тактики поимки беглецов, а небольшая группа индейцев все ускользала от преследователей. Наконец 23 августа 1886 г. лейтенанту Чарлзу Гейтвуду, командующему небольшим разведчиков в сопровождении двух индейцев-следопытов, удалось обнаружить лагерь Джеронимо. Ч. Гейтвуд был уникальным офицером, и возможно, если бы таких было больше в армии США, то не было бы нужды американским военным бегать несколько лет за Джеронимо, да и другими индейскими вождями. Он немного говорил на языке апачей, относился к ним, особенно к своим разведчикам с большим пониманием, не выказывая своего превосходства или расистского пренебрежения, как это часто случалось с другими офицерами. Индейцы уважали его, и он платил им тем же. Возможно то, что именно Гейтвуд обнаружил Джеронимо, способствовало тому, что последний предпочел сдаться. Зная характер Джеронимо, Гейтвуд отправился в его лагерь в сопровождении лишь двух военных, двух переводчиков и двух индейцев разведчиков. Узнав, что военными командует именно Гейтвуд, Джеронимо пригласил его в лагерь. Встреча двух этих людей как нельзя лучше характеризует характер отношений двух фронтирменов: один из них был воин-служака, охотник за индейцами, а другой – беглый индеец, убийца гражданских лиц и военных. И вместе с тем это была встреча двух символов фронтирных отношений. У Джеронимо не было непримиримой ненависти к белым, он скорее был загнанный волк, убежавший от преследователей. Встретив американского лейтенанта, индейский вождь заверил его, что Гейтвуд всегда может рассчитывать на гостеприимство в индейском лагере и может быть уверенным в своей безопасности [13, pp. 291–92]. В свою очередь Чарлз Гейтвуд сделал очень многое, чтобы не допустить расправы над индейцами со стороны других офицеров. Джеронимо окончательно сдался генералу Нельсону Майлзу 4 сентября 1886 г. в каньоне Скелетов. Даже само название каньона как нельзя лучше характеризует атмосферу, царившую в этих местах, так как каньон получил такое название по весьма хрестоматийному событию, произошедшему в его пределах, – убийству 15 мексиканских контрабандистов арizonской милицией в 1881 г. Убитые

так и остались лежать в каньоне, пока ковбои позже ни забрали их черепа, чтобы сделать из них мыльницы [13, pp. 293].

Хотя индейцев уверяли, что они скоро встретятся со своими родственниками, находящимися в резервации во Флориде, все оказалось совсем иначе. Их и даже апачей разведчиков, которые помогали выследить Джеронимо, отправили подальше от индейских земель. Начались долгие скитания по различным фортам и лагерям, пока, наконец, в 1894 г. Джеронимо и его семью не отослали в форт Силл в Оклахоме, где он и умер в 1909 г. от воспаления легких – Джеронимо упал с лошади и пролежал всю ночь на холоде, пока родные искали его.

В конце своей жизни, как справедливо заметил американский биограф Дэвид Робертс, он превратился в символ американского триумфа: «из врага, даже имя которого заставляло холодеть от ужаса американского поселенца, он трансформировался в забаву, тотем завоевания» [13, pp. 197]. Имя его, славу, личные предметы и даже тело растаскивали все, кто имел возможность. Джеронимо был символом борьбы апачей за свою землю, но вместо этого в нем видели всего лишь некий образ свирепого воина – олицетворение Дикого Запада, с его кровожадными индейцами, ковбоями и бравыми кавалеристами.

В конечном итоге, как это ни странно, украли не только кости, но и имя. То, что череп похитили члены «Череп и костей» не было случайностью, актом студенческого бахвальства или шалости. Это была определенная модель поведения, которую можно охарактеризовать лишь одним словом – колониализм. И хотя сам факт воровства черепа отрицается Орденом, здесь важен даже не сам факт, а то, что вообще об этом стали говорить, подозревать в этом Орден, приписывая ему этот акт, и проводить расследование.

Череп поверженного опасного противника – вот трофеей победителя. Он легко превращается в ценный атрибут для тайных ритуалов. Если неграмотные ковбои забрали черепа убитых безымянных мексиканцев для мыльниц, то просвещенная элита идет куда дальше. Она приспособливает его для тайных ритуалов, уподобляясь какому-нибудь античному варвару, изготавливавшему чашу из черепа поверженного врага. Здесь уместно вспомнить, что члены Ордена называли друг друга патриархами и рыцарями, а всех остальных – варварами или язычниками. Но если это сделали те, кто не считал себя варварами? То что следует думать об остальных? Как нам кажется, если бы не стремление сохранить репутацию добропорядочности, то тело Джеронимо начали растаскивать на талисманы, амулеты и просто сувениры еще при жизни. Прославленный генерал Майлз, которому сдался Джеронимо, взял в качестве сувенира винчестер и шпоры Джеронимо. Если бы Джеронимо повесили, а многие этого очень хотели, вплоть до президента США [8, pp. 283], нам кажется, его тело давно было бы расчленено и растащено на множество частей, находящихся в частных коллекциях, музеях и закрытых хранилищах. И здесь нет никакого преувеличения, достаточно вспомнить судьбу другого вождя апачей, возможно, еще более знаменитого, чем Джеронимо, Мангаса (Мангус) Колорадаса. Когда в 1862 Мангас Колорадас после длительной борьбы с американцами решил сдаться американским властям и прибыл в форт Маклейн, солдаты схватили его, зверски пытали раскаленным штыком и в конечном итоге убили. Один из свидетелей происходящего, гражданский инженер Даниэль Коннер, подробно и, кажется, беспристрастно описал действия солдат [7, pp. 39]. Да и сам он не прочь поживиться «сувенирами», сняв с шеи убитого украшения. Именно его «охота» за сувенирами подстегивает солдат к дальнейшему издевательству над телом убитого: видя действия инженера, один из солдат скальпирует оставленное тело, после чего его снова выбрасывают, потом закапывают, но через несколько дней выкапывают, отрезают голову, варят ее и очищают череп от мяса, чтобы послать его в какой-нибудь музей [7, pp. 40–41]. Пауза в несколько дней, когда тело было захоронено, а потом выкопано и голова отрезана, скорее всего была связа-

на с просьбой одного из врачей (ассистента хирурга, Давида Стёрджена), который впоследствии и забрал этот череп с собой.

Происшедшее в форте как нельзя лучше характеризует всеобщее настроение и отношение самых широких слоев к индейцам: просвещенному инженеру – ожерелье, неграмотному солдату – скальп, другому просвещенному – череп. Все это как нельзя лучше характеризует колониальную модель потребления: присваивание земли, имущества и тела поверженного, потребление его вплоть до костей (пусть хоть и с научными целями).

В том, что члены ордена Черепа и костей выкапывают череп Джеронимо, нет ничего экстраординарного, удивительно лишь то, что все это происходит в конце второго десятилетия XX в.. Все это объясняется лишь тем, что модель поведения этой университетской элиты, приверженцев традиции, – это консервативная модель колонизатора, не более того. И здесь нет ничего удивительного, ведь сам Йельский университет был назван в честь Элайху Йеля – купца британской Ост-индской компании, губернатора Мадраса, который пожертвовал (товарами) большую сумму Энциклопедическому колледжу в Нью Хейвене. По удивительному стечению обстоятельств, среди тех, кто обратился к Элайху Йелю за помощью для Энциклопедического колледжа, был и Коттон Мэзер (Cotton Mather) – известный пуританский проповедник, прославившийся своей последовательной борьбой за чистоту веры. Именно он (по мнению некоторых его современников) сыграл решающую роль в так называемом Салемском процессе над ведьмами. В 1722 г. ему даже предлагали стать ректором этого колледжа и возглавить борьбу с англиканством [11, pp. 59–60].

Вряд ли можно полагать, что слава торговых удач Элайху Йеля не играла никакой роли в формировании менталитета студентов Йельского университета. Достаточно упомянуть одного из основателей ордена Черепа и костей Уильяма Хантинтона Рассела, чей двоюродный брат Самюэль Рассел сколотил огромное состояние на торговле турецким опиумом в Китае. Именно Хантингтон Рассел создал трастовую ассоциацию, которая и занималась финансами этого Ордена. Примечательно, что одним из директоров компании Самюэля Рассела в Кантоне был Уоррен Делано – дедушка будущего президента США Франклина Делано Рузвельта. Другими партнерами Рассела по торговле опиумом были Джон Клив Грин, который позднее финансировал другой крупнейший университет США – Принстон [9, pp. 337–38], и Абель Лоу, спонсировавший Колумбийский университет, а его сын Сет Лоу позднее стал президентом этого нью-йоркского университета. В 1895 г. он подарил своему университету 1 мил. долларов на создание библиотеки, которая должна была носить имя его отца [17, pp. 11].

Но приводя все эти факты, мы не склонны обрушиваться с критикой на американский империализм, колониализм и прочие – измы. Более того, во всех этих приведенных фактах не так уж много «американского». В написании этой статьи мы преследовали лишь одну цель – проследить ряд культурных модальностей, которые заставляют людей действовать определенным образом.

Мы уже говорили выше, что в некотором роде нас мало интересует сама реальность воровства черепа Джеронимо. Достаточно того, что это воровство приписывают этому ордену, как и другое возможное воровство черепа (черепов) – Панчо Вильи – мексиканского национального героя.

В феврале 1926 г. в мексиканском городке Парраль была разграблена могила этого революционного лидера. По подозрению в грабеже был арестован американский авантюрист, Эмиль Льюис Холмдаль, который был помещен на «сокровищах Вильи». Но через некоторое время он был выпущен без достаточных на это оснований. Хотя нет достоверных доказательств, что череп Вильи был продан Ордену, однако, участие Э. Льюиса в разграблении могилы имеет под собой много оснований. Он сам хвастался, что это принесло ему 25000 долларов, плюс оплата дополнительных издержек. По свидетельству одного из скотоводов из Эл Пасо, Бена Уильяма,

который был дружен с Льюисом и часто выпивал с ним, последний как-то в подвыпившем состоянии поведал ему, что это он похитил голову Вильи. Позднее Уильям, гостивший у своего друга в Фениксе (США) Фрэнка Брофи, являвшегося выпускником Йеля и членом Ордена, слышал от него, что он и еще четверо других наняли Льюиса, чтобы он украл череп [12, pp. 185–86]. Но так как позднее члены Ордена отрицали то, что череп находится у них, у нас нет оснований окончательно ставить точку в этом вопросе.

Как сообщает биограф Льюиса Дуглас Мид, в 1926 г. в газетах Нью-Йорка и Чикаго появляются интервью с известным специалистом по мозгу доктором Орландо Скоттом, который заявлял, что ожидает прибытия черепа в Чикаго «со дня на день». По его словам, череп будет осмотрен с патологической точки зрения лучшими специалистами из университетов и врачебных заведений [12, pp. 184]. Доктор Джеймс Уитни Холл, известный криминалист, высказывал свое заинтересованность в изучении черепа Вильи [12, pp. 184–185].

Как и в предыдущих случаях, нет общественного осуждения факта вандализма, а есть ярко выраженная общественная заинтересованность в анализе экземпляра с научной точки зрения.

Великий русский поэт заявил: «Два чувства дивно близки нам – / В них обретает сердце пищу – / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам» [2, pp. 596]. В нас удивительно сочетаются действительно два чувства: любовь к отеческим гробам и пренебрежение к гробам других народов. И не важно, кем мы являемся: погонщиками мулов или просвещенными и утонченными исследователями. Мы одинаково отстранены от переживаний представителя чужого нам народа, тем более, если этот народ видится нам находящимся на более низкой ступени развития. По праву исторического превосходства, данного нам самой судьбой или божественным проведением мы всматриваемся с научной точки зрения в череп Другого или забираем дешевые (с нашей точки зрения) безделушки ради простого любопытства или опять же ради научной необходимости. В коллекциях любого европейского государства мы найдем сотни, а может и тысячи черепов различных народов, которые хранятся ради научного интереса. Но где эта грань, отличающая потребность варвара сделать чашу из черепа поверженного врага, и ученого, собирающего эти черепа аборигена, чтобы пополнить свою коллекцию. Как ни странно, и в первом, и во втором случае речь идет всего лишь об обретении сила и могущества. В одном случае, это магические манипуляции, в другом – научные манипуляции. Одни призваны дать нам власть с помощью ритуала, другие – с помощью прогресса.

И вместе с тем Джеронимо повезло, он стал национальной легендой, и имя его оказалось увековеченным в разных сторонах американской повседневности. Если в начале века он был «исчадием ада», дьяволом, которым пугали маленьких детей, то к середине XX в. все поменялось. В середине XX в. В 1940 г. американские десантники стали использовать имя Джеронимо в качестве боевого клича в момент прыжка, а спустя некоторое время 501 парашютно-десантный полк США официально взял это имя в качестве своего девиза. Имя Джеронимо использовалось в качестве кодового имени для многих военных секретных операций прикрытия, в том числе и в миссии по ликвидации Осамы бен Ладена, однако, после протестов семьи Джеронимо, она получила кодовое название «Копье Нептуна».

Да и сам этноним апачи тоже был увековечен американцами в названии боевого вертолета, в имени компьютерной программы и т.д. Многие современные американцы с гордостью сообщают, что в их крови течет и кровь апачей или каких-то других индейских племен. Об апачах и Джеронимо продолжают писать книги и снимать художественные фильмы, хотя теперь уже в них «Джеронимо Грозный» предстает не таким уж и грозным, а скорее борцом с несправедливостью по отношению к его народу.

Еще один череп вместо заключения

Было бы не справедливо ни упомянуть еще про один череп, чья судьба (и черепа и его правообладателя) удивительным образом была похожей на судьбу Джеронимо. Жизнь его была ни менее героической, чем и у Джеронимо, правда, убит он был на поле боя, а не страдая от несправедливости в резервации. Этим человеком восхищался Лев Толстой и даже посвятил ему свою повесть. Звали этого человека Хаджи-Мурат. Личность этого аварского наиба очень противоречива: постоянно мечущийся между имамом Шамилем и русскими; не желающий смириться с жесткими рамками игры, навязываемыми ему с обеих сторон, видевших в нем лишь пешку в их игре, он стал трагическим символом той эпохи. В этих условиях любой поступок Хаджи-Мурата мог рассматриваться обеими воюющими сторонами как предательство, и даже когда его действия были продиктованы лишь заботой о своих близких, его союзники и враги одинаково воспринимали с подозрением. Судьба Хаджи-Мурата – это трагедия не только конкретного человека, но и целого народа, оказавшегося в безвыходной ситуации заложников истории. Трагедия выбора без выбора, в которой любой выбор предопределяет проигрыш. И хотя многие считают Хаджи-Мурата предателем, однако, как он должен был относиться к бывшим своим союзникам, которые несколько дней держали его прикованным к артиллерийскому орудью, из-за подозрения в измене. Или к другому своему бывшему стороннику, который бросил его родных в яму и шантажировал его их судьбой. И хотя погиб Хаджи-Мурат на поле боя, однако тот факт, что убит он был своими бывшими боевыми друзьями, а голову его отрезал его бывший кунак Гаджи-Ага, говорит лишь об одном: во всем этом нет победителей, а есть побежденные – побежденные не врагами, а побежденные войной, как особым состоянием человечества, превращающим людей в зверей.

Отрезанную голову Хаджи-Мурата повезли в Тифлис, показывать князю Воронцову, при этом провозили ее по многим аулам, показывая горцам, демонстрируя силу и мощь русского государства, сумевшего победить такого храброго и умелого воина. Да и в Тифлисе она была выставлена на всеобщее обозрение в анатомическом театре при местном госпитале, а после ее отправили в Петербург. Наместник на Кавказе князь М.С. Воронцов в одном из писем князю Чернышеву писал следующее: «Любопытство видеть ее общее; но я не счел приличным выставлять ее на базаре, как многие бы желали, а только позволил, чтобы приходили осматривать ее и удостовериться в ее действительности в госпитале, где ее приготовят для отсылки черепа; это полезно в том отношении, что никому нельзя будет сомневаться или притворяться сомневающимся в том, что этот человек – ужас стольких людей и провинций – действительно умер» [1, pp. 665].

Мы не будем комментировать слова, прославленного генерала, но в его письмах сквозит неприкрытая радость, что именно так погиб Хаджи-Мурат, ну а голова – что, голова – всего лишь «вещь-док». Порой возникает ощущение, что Хаджи-Мурат союзник, был для кн. Воронцова еще более страшен, чем Хаджи-Мурат противник. Сервильного чиновника больше беспокоило, как бы чего не вышло и ему не пришлось потом оправдываться перед Государем. Может быть, поэтому он с радостью соглашается на просьбу местного доктора Андреевского отправить ее знаменитому врачу Н. Пирогову. Ведь не хоронить же тело, а вдруг что-то из этого выйдет нехорошее, а так череп «послужит» науке.

Вместе с головой Хаджи-Мурата кн. Воронцову были доставлены и его личные вещи. Интересно, взял ли что-нибудь Воронцов себе на память из личных вещей убитого, как когда-то это сделал генерал Майлз, забирая винчестер и шпоры Джеронимо.

Ну а голова Хаджи-Мурата была доставлена в Петербург Пирогову, чтобы послужить науке. Где она «служит» науке и по сей день, кочуя из музея в музей, несмотря на все старания родственников вернуть ее и захоронить. Видимо кто-то очень сильно боится отрезанной головы Хаджи-Мурата даже в наши дни!

Ну а если кому-то покажется, что это исключительный факт, то можно будет напомнить и о другой отрезанной голове, которую еще раньше увез в Петербург ради

науки Н. Пирогов – голову наиба Идриса. Она тоже вызвала ажиотаж в северной столице среди просвещенной публики, ринувшейся полубопытствовать на череп поверженного врага.

Иногда кажется, что история насмехается над «цивилизованными народами», которые приходят к «менее просвещенным», чтобы принести им прогресс, но вместо этого перенимают множество обычаев, дикость которых пытаются прикрыть с помощью рассуждений о науке. Отсутствие исторической рефлексии и сегодня дорого сказывается на судьбе России, так как старая рана, под названием «Кавказ», кровоточит и по сей день.

Список литературы

1. Зиссерман А. Л. Хаджи-Мурат / А. Л. Зиссерман // Русская Старина. – 1881. – Т. XXX.
2. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1959. – Т. 2.
3. Саттон Э. Орден «Череп и кости»: Документы, история, идеология, международная политика / Э. Саттон. – Киев : Межрегиональная академия управления персоналом, 2005.
4. Barrett S. M. Geronimo's Story of his Life / S. M. Barrett. – New York : Duffield & Company, 1907.
5. Bourke J. G. On the Border with Crook / J. G. Bourke. – New York : Charles Scribner's Sons, 1891.
6. Brown D. A. Bury my heart at Wounded Knee / D. A. Brown. – New York : Barrie & Jenkins, 1970.
7. Conner D. E. Joseph Reddeford Walker and the Arizona Adventure / D. E. Conner. – Norman : University of Oklahoma Press, 1954.
8. Debo A. Geronimo: The Man, His Time, His Place / A. Debo. – Norman : University of Oklahoma Press, 2012.
9. Egbert D. D. Princeton Portraits / D. D. Egbert, D. M. Lee. – Princeton : Princeton University Press, 1947.
10. Faulk O. D. The Geronimo Campaign / O. D. Faulk. – New York : Oxford University Press, 1969.
11. Hoeveler D. J. Creating the American Mind: Intellect and Politics in the Colonial Colleges / D. J. Hoeveler. – Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2007.
12. Meed V. D. Soldier of Fortune: Adventuring in Latin America and Mexico with Emile Lewis / V. D. Meed. – Houston: Halycon Press, 2003.
13. Roberts D. Once they moved like the wind: Cochise, Geronimo, and the Apache Wars / D. Roberts. – New York : Simon and Schuster, 1994.
14. Rosenbaum R. The Secret Parts of Fortune: Three Decades of Intense Investigations Edgy Enthusiasm / R. Rosenbaum. – New York : Random House LLC, 2000.
15. Sides H. Blood and Thunder. The Epic Story of Kit Carson and the Conquest of the American West / H. Sides. – New York : Anchor Books, 2007.
16. Slotkin R. Gunfighter Nation: the Myth of the Frontier in Twentieth-century America / R. Slotkin. – Norman: University of Oklahoma Press, 1992.
17. Susi M. Columbia University and Morningside Heights / M. Susi. – New York : Arcadia Publishing, 2007.
18. Syrett N. The Company he keeps: A history of white college fraternities / N. Syrett. – Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 2009.

References

1. Zisserman A. L. Khadzi-Murat [Hadji Murat]. *Russkaya Starina* [Russian Antiquities], 1881, vol. XXX.
2. Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy* v[Collected Works], Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1959.
3. Sattton E. *Orden «Cherep i kosti»: Dokumenty, istoriya, ideologiya, mezhdunarodnaya politika* [Order "Skull and Bones": documents, history, ideology, international politics], Kiev, Interregional Academy of Personnel Management Publ. House, 2005.
4. Barrett S. M. *Geronimo's Story of his Life*, New York, Duffield & Company Publ., 1907.
5. Bourke J. G. *On the Border with Crook*, New York, Charles Scribner's Sons Publ., 1891.
6. Brown D. A. *Bury my heart at Wounded Knee*, New York, Barrie & Jenkins Publ., 1970.
7. Conner D. E. *Joseph Reddeford Walker and the Arizona Adventure*, Norman, University of Oklahoma Press Publ., 1954.

8. Debo A. *Geronimo: The Man, His Time, His Place*, Norman, University of Oklahoma Press Publ., 2012.
9. Egbert D. D., Lee D. M. *Princeton Portraits*, Princeton, Princeton University Press Publ., 1947.
10. Faulk O. D. *The Geronimo Campaign*, New York, Oxford University Press Publ., 1969.
11. Hoeveler D. J. *Creating the American Mind: Intellect and Politics in the Colonial Colleges*, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers Publ., 2007.
12. Meed V. D. *Soldier of Fortune: Adventuring in Latin America and Mexico with Emile Lewis*, Houston, Halycon Press Publ., 2003.
13. Roberts D. *Once they moved like the wind: Cochise, Geronimo, and the Apache Wars*, New York, Simon and Schuster Publ., 1994.
14. Rosenbaum R. *The Secret Parts of Fortune: Three Decades of Intense Investigations Edgy Enthusiasm.*, New York, Random House LLC Publ., 2000.
15. Sides H. *Blood and Thunder. The Epic Story of Kit Carson and the Conquest of the American West*, New York, Anchor Books Publ., 2007.
16. Slotkin R. *Gunfighter Nation: the Myth of the Frontier in Twentieth-century America*, Norman, University of Oklahoma Press Publ., 1992.
17. Susi M. *Columbia University and Morningside Heights*, New York, Arcadia Publishing Publ., 2007.
18. Syrett N. *The Company he keeps: A history of white college fraternities*, Chapel Hill, The University of North Carolina Press Publ., 2009.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ *

Уланов Мерген Санджиевич, доктор философских наук, профессор

Калмыцкий государственный университет
358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: ulanov1974@mail.ru

Уланова Галина Владимировна, аспирант

Калмыцкий государственный университет
358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: kekeeva_galina@mail.ru

Статья посвящена проблеме экономического потенциала буддийской культуры. Актуальность данной темы обусловлена интересом к проблемам философского, этического и ценностного обоснования экономического развития общества, о чем свидетельствует постоянно возрастающий объем научных исследований в этой области, как в отечественной, так и в зарубежной науке. Обращение к социально-философскому анализу хозяйства в контексте социокультурных, религиозных традиций обусловлено не только собственно экономическими, но и цивилизационными, демографическими, социально-политическими тенденциями развития.

Ключевые слова: буддизм, философия хозяйства, хозяйственная культура, буддийская экономика, хозяйственная этика

TO A QUESTION ABOUT THE ECONOMIC POTENTIAL OF BUDDHIST CULTURE

Ulanov Mergen S., D.Sc. (Philosophy), Professor

Kalmyk State University
11 Pushkin st., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russian Federation
E-mail: ulanov1974@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках внутривузовского гранта ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет». Тема «Буддийская культура и экономическая теория».